

КРЫМСКИЕ СУДЕБНЫЕ КНИГИ: ТИПЫ ДОКУМЕНТОВ И ИХ СТРУКТУРА

Книги крымских кадиев, та их часть, что сохранилась и доступна для изучения сегодня, являются свидетельствами формирования новых юридических отношений, отличных от золотоордынских, нового юридического языка, терминологии и типологии документов. **С практической точки зрения**, структурное описание этих памятников может помочь восстановить утраченную преемственность в предполагаемой линейной эволюции крымскотатарского юридического делопроизводства, которое было пресечено в 1783 году.

Известно, что попытки возобновления крымскотатарской канцелярии и юридических институтов в эпоху 1-го Крымского Курултая и первые годы советской власти в Крыму, как и в эпоху ханства, были ориентированы на турецкие образцы документов и язык [Рустемов, Внутренняя... 2013]. Однако на этот раз перерыв в более чем сто лет, прошедших после завоевания Крыма Россией, не обеспечивал их адекватного восприятия в крымскотатарской среде, так как часто был затруднен для чтения большим количеством арабских терминов, соответствующей стилистикой и синтаксисом. С другой стороны, в это же время уже стали активно проявляться попытки “облегчения” юридического языка, где арабских слов было уже не так много, а те, что сохранялись, были вполне освоены в крымскотатарском языке и не воспринимались как однозначно чужие или заимствованные (см., например, текст Постановления временного правительства Крыма об охране животных от 1919 г. [Рустемов, Русско-украинско-крымскотатарский словарь... 2013, 231–232]).

В последующие советские годы деловые бумаги и документы стали составляться по образцам, принятым в русском делопроизводстве. Этот путь развития официально-делового стиля, терминологии, как и вообще лексики и даже морфологии и синтаксиса, был намеренно отдален от турецких традиций в этой сфере, что с одной стороны облегчило восприятие юридического языка новому поколению крымских татар, воспитанных и получавших

образование советской школы, а с другой явилось одним из важных направлений все более усиливающейся русификации крымскотатарского общества. Эта политика, в конечном счете, привела не просто к изоляции от современной турецкой культуры, языка, стилистики и пр., но совершенно оторвала крымских татар и от их собственных литературных и языковых традиций, по причине объявления всего написанного в Крыму в период Ханства, бывшего сюзереном Османской Турции, враждебным, классово и этнически чуждым и вредным. Это утверждение тем более справедливо, что в язык деловых документов и литературных текстов не был однозначно османским. В нем мы часто находим элементы коренного сельджукского наречия, а вместе с ними и более поздние татарские или ордынские наслоения, выступавшие в одном виде документов в качестве субстратов, а в других как суперстраты (ср. языки крымских судебных реестров [Судебные книги Крымского ханства – СКК] и ханских писем или ярлыков [Вельяминов-Зернов 1864]).

В теоретическом плане, с точки зрения изучения истории тюркских языков, тюркской исторической стилистики, эволюции синтаксиса, а в локальном крымском пространстве с точки зрения исследования местных диалектов, стиля, разговорных форм, нередко проявлявшихся в записях секретарей кадиев, филологические изыскания на материале указанных памятников представляются в высшей степени актуальными и необходимыми.

Описание и структурная классификация документов крымских судебных реестров являются одной из начальных и первоочередных задач по изучению этих, довольно сложных для прочтения и перевода рукописных текстов, написанных часто небрежно, с нарушением грамматики тюркских языков, а иногда и просто с ошибками. Каллиграфия этих книг, особенно первых томов, довольно нечетка, строки местами выходят за границы документа, присутствуют разрывы текста с переносом части его под другой текст или на другую страницу, нередко отсутствует огласовка, что затрудняет чтение тюркских слов вообще, а также арабских, в тех случаях, когда возможны случаи омонимии (омографы). В начертаниях букв стилем *рик'а*, который в основном применялся в крымских судебных книгах, наблюдается небрежность и нечеткость, усугубляемая выцветшими чернилами или кляксами.

Некоторые страницы подшиты таким образом, что отсутствует часть текста.

С другой стороны, чтение записей на определенном этапе несколько облегчается самой стилистической манерой написания, которая стала складываться к концу XVI столетия. С большей уверенностью мы можем говорить о стилистике первых тюркоязычных сиджилей на примере османских памятников [Akgündüz 1998], так как крымских судебных реестров именно этого периода не сохранилось. Под своеобразностью стиля документов мы имеем в виду похожесть большинства текстов в оборотах речи, терминах, структурном оформлении, повторяемости одних и тех же слов или выражений, что в полной мере справедливо и для крымских сборников.

Приемы составления и стиль крымских судебных книг ориентированы на арабские документы, составители которых, в свою очередь, считали образцом для всякого словесного творчества Коран. По сообщениям турецких источников, судебные записи до середины XVI века составлялись исключительно на арабском языке. Потом язык поменялся на османский, но это произошло не сразу, а постепенно, от провинции к провинции [Gedikli 2005]. Непосредственно судебские записи также претерпевали известную трансформацию своего лексического состава, в котором с течением времени все более увеличивалась доля тюркских слов и понятий.

Юридические документы Крымского ханства в османском и крымском делопроизводстве называются “сиджилями” (осм. из арабского: “سجل”), что означает: досье, регистрационная запись, реестр. Бытовали также иные их названия: “махкемедефтерлери” (судебные тетради), кадий саклары (судейский сакк¹) или “кадылар дефтерлери” (кадийские тетради), “сиджилят-и Шерийе” – сиджили (судов) шариата и т. д. После их обнаружения эти реестры стали ошибочно называть кадиаскерскими дефтерами (тетради кадиаскера²) [Биярсланов 1889; Лашков 1894]. Ошибка

---

¹ Сакк (осм. из араб. “saqq”: “suquq”, “sıqaq”, (мн.) “esraq”) – книга, свод, сборник документов; свидетельство, удостоверение.

² Термин “кадиаскер” (в османской традиции – “казаскер” – قاضيسكر) арабского происхождения, и буквально означает “военный судья”. Должность была впервые введена халифом Омаром для разбирательства

заклучалась в том, что крымские сборники сиджилей содержали в себе записи, сделанные не только в присутствии кадиаскера, но и обычными судьями. Кроме того, из дошедших до нас памятников не все относятся к бахчисарайскому, то есть столичному, каддылыку (каддылык/каза – судебный округ. – *О. Р.*). Среди них есть также сиджили карасубазарского, кёзлевского и мангубского каддылыков, что, в общем-то, исключает участие кадиаскера в принятии решений по включенным в реестры делам.

Согласно истории составления записей судов шариата, в мусульманском праве известно, что регистрация судебных слушаний и вынесенного по ним решения стала впервые производиться в эпоху Омейядов³. В частности, источники сообщают о Сулейме бин Итре бин Селеме, назначенном кадием Мысра (Египта) халифом Муавией I, основателем династии. Однажды ему пришлось слушать дело о разделе наследства и определять каждому участнику процесса следуемую ему долю. По завершении разбирательства он устно сообщил свое решение присутствующим. Однако наследники на следующий день вновь поспорили и явились на суд. На этот раз Сулейм записал свое решение в книге, а тяжущимся выдал на руки выписку решения суда – сурет [Yavuz 1998].

различных споров в мусульманской армии во время боевых действий в Сирии. В Османской империи было два К. – румелийский и анатолийский; в Крымском ханстве – один и означал впоследствии высшую судебскую должность. К. ведал вопросами подготовки и назначения судей, решал споры высших должностных лиц и дворян, в том числе и во время военных походов, представлял собой суд высшей инстанции, рассматривал жалобы и апелляции, утверждал смертные приговоры и т. д.

³ Омейяды – династия арабских халифов, существовавшая с 661 по 750 гг., пришедшая на смену эпохе “праведных халифов” (т. е. первых четырех халифов, управлявших халифатом после смерти пророка Мухаммеда). Омейяды получили власть, победив в сражении последнего сына халифа Али – Хусейна, родного внука Мухаммеда. Это обусловило последующее противостояние между суннитами и шиитами – приверженцами и поборниками прав Али и его детей. При Омейядах границы халифата значительно расширились. Был покорен весь север Африки (Магриб), а на захваченных землях Испании возник Кордовский халифат, отколовшийся впоследствии от остальной части империи после свержения династии Аббасидами.

Впоследствии выдача сурета – копии или извлечения из слушания дела, а также других документов на основе решения судьи (кадия) – стала обязательной процедурой, за которую взималась плата по соответствующей таксе. В Крымском ханстве размер платы за каждый отдельный вид документа назначался ханом отдельно. В одной из предыдущих наших работ были представлены транслитерация и перевод ярлыка Джанибек Гирей-хана, записанного на 22-ой странице первого тома крымских сиджилий [Рустемов, Крымские сиджили... 2015; СКК, Т. 1, С. 73-А, текст № 1]. В этом ярлыке перечислены отдельные типы документов и стоимость за них. Так, за “итакнаме” (вольная, освобождение из рабства) назначалось брать не более одного куруша (125 акче), за регистрацию дела в реестре судебных дел (сиджилят-ы Шер’ийе) – восемь акче, а за выписку (сурет) из этого дела – тридцать две акче. Кроме того, предписывалось не брать денег совершенно за “васиет” (завещание), подшиваемый в судебную книгу, “бедель” (выкуп или компенсация за отказ от военной службы), а за “яфту” (здесь: перечень имущества, представляющего собой долю одного из наследников) предписывалось брать не более сороковой части от стоимости всего имущества [СКК, Т. 1, С. 73-А, текст № 1].

В указанном ярлыке перечислялся только общий и далеко не полный список тех дел и исков, по которым производились слушания, и, соответственно, записей по ним. Восемь акче требовалось брать за каждую регистрацию (внесение в сиджил) слушания процесса, а также за любую запись нотариального характера. В данном случае предписание хана Джанибек Гирея носит обобщающий характер, без классификации и определения различных видов дел в зависимости от их содержания. Известно, однако, что логическим итогом большинства исков являлось получение на руки соответствующего документа – худжета, в котором сообщалась фабула дела, имена истца и ответчика, суть (тема) иска (дава’), показания истца и согласие или отрицание их ответчиком. Кроме этого, перечислялись свидетели, выступавшие на стороне одного из тяжущихся, и сообщался статус истца (например, подтверждение его имущественных прав) в результате окончания процесса. Решение кадия при этом не сообщалось, но сообщался результат, который опирался на решение суда. В этом

смысле худжет являлся нотариальным свидетельством в отношении прав истца на какой-либо предмет либо объект спора (движимое и недвижимое имущество), долю в наследстве, проценты от торговых операций и т. п.

Худжет (hüccet) / (حجت) – слово арабского происхождения и в юридическом контексте в османском языке имеет два основных значения, которые в итоге концептуально зависимы: 1) доказательство, довод, свидетельство, и 2) документ – выписка из решения суда, по уголовному или хозяйственному делу, либо договора купли-продажи, а также иных, составленных судьей (кадием) нотариальных свидетельств.

В публикации от 1889 года в “Известиях Таврической ученой археологической комиссии” Мурад Биярсланов называет худжетами два переведенных им текста, которые, по сути, являются переводами сиджилей, то есть регистрационных записей по случаю обращения мусульман в суд шариата [Биярсланов 1889 (ИТУАК № 8), 41–51]. В первом из них речь идет об отпуске раба на свободу на условиях китабета (договора об освобождении при внесении оговоренной суммы выкупа за установленный срок). Согласно китабету, невольник имел право уйти от владельцев на определенный срок, чтобы заработать необходимую для собственного выкупа сумму. В приведенном сиджиле невольнику Кивану это удалось, и он явился в суд вместе с представителем владельца, чтобы зафиксировать свое освобождение.

Другой переведенный текст касается брачного договора, то есть заключения брака представителями жениха и невесты и регистрации устанавливаемой при этом суммы мехр-и мюэджеля⁴. Жених и невеста, готовящиеся к свадьбе, происходят из зажиточных семей, и потому сумма мехр-и мюэджеля очень высокая:

---

⁴ Мехр-и мюэджель (مهر مؤجل) – (вено, выкуп невесты) оговоренная сумма, которая считалась долгом мужа своей жене, и которую она забирала себе после его смерти или после развода. М.- м. являлся обязательным к выплате в случае развода, а при разделе имущества покойного выдавался сразу, прежде чем наступал черед определения долей и раздачи наследства остальным наследникам, в том числе и жене. М.-м. служил своеобразной страховкой для женщины, которую обеспечивал муж либо родственники мужа в случае его гибели и нехватки средств, если она становилась вдовой.

тысяча флоринов, тысяча гурушей и тысяча акче. Для сравнения: стоимость одного быка в те годы равнялась 3–4 флоринам, а один породистый конь мог стоить в исключительных случаях сорок флоринов.

Что касается определения Биярслановым данных текстов как худжеты, то оно представляется нам ошибочным, так как худжет, как уже говорилось выше, – отдельный документ, который имел свои правила оформления. Скорей всего эти записи можно назвать копиями с худжетов – суретами, занесенными в книгу сиджилей.

Структура худжета подробно описана в многочисленных турецких источниках [Akgündüz 1998; Günay 2012; Yaşa 2014]. Она состояла из молитвы (дуа), которая располагалась в самом верху в центре строки. Дуа представляла собой обращение к Единому, Всемилостивому и Милосердному Аллаху, с подразумеваемым призывом к Господу быть свидетелем праведности и правильности судьи, выдающего документ, который во всем согласуется с нормами мусульманского закона – шариата. Впоследствии фраза свелась к единственному слову “хуве” – “Он”, т. е. Господь. Подобные же обращения к Богу можно увидеть и в ярлыках крымских ханов [Kurat 1940; Вельяминов-Зернов 1864].

Молитвенные выражения повторялись и в преамбуле, следующей сразу после непосредственно молитвы. Преамбула включала в себя такие важные элементы, как имя судьи, имя его отца, кадылык или каза (судебный округ), где был выдан документ и ставилась печать. Молитвенные выражения подбирались соответственно теме или причине выдачи рассмотрения иска и выдачи худжета [Akgündüz 1998].

После преамбулы следовало краткое содержание иска или спора с сообщением имен истца и ответчика, суть претензий первого и признание или отказ второго. В случае отказа выступали свидетели, имена которых также сообщались. В заключении речь шла о возобновленных или доказанных, или же вновь приобретенных правах истца на имущество, долю наследства, собственную свободу и т. п. С другой стороны, худжет мог подтверждать выплату долга, в том числе и по брачному контракту, развод, свадебный контракт, права наследования (принадлежность к родословной), передачу имущества в эманет (ответственное

хранение с правом использования или без такового), аренду, передачу чужого имущества (от посредника хозяину), заключение или отмену торговой сделки и прочие события гражданского или хозяйственно-административного характера. В данном случае кадий выступал в роли нотариуса, а выданный им худжет можно рассматривать как нотариальное свидетельство.

Кроме худжетов, были также и другие типы документов, выдаваемые кадиями. Это и'лам и маруз.

И'лам (араб. اعلام: объявление, объявлять) – документ, в котором, в отличие от худжета, сообщается решение или приговор, вынесенный кадием по итогу слушания дела (дава'). В этом документе также присутствовала печать кадия и его подпись, только располагались они внизу, под текстом. Сам же текст включал в себя показания или претензии истца, с сообщением его имени и ответы ответчика, чье имя также сообщалось. Как правило, дело могло решиться сразу при наличии доводов или доказательств, которые считались неопровержимыми. К таковым относились: 1) непосредственное признание ответчика, 2) признание истца в ответ на аргументацию ответчика и отказ от иска, 3) клятва именем Аллаха, приносимая в подтверждение своих слов истцом либо ответчиком при отсутствии доказательств, 4) либо отказ от клятвы, что автоматически подтверждало неправоту кого-либо из участников процесса. Во всех других случаях предполагалось участие свидетелей.

Процедура составления и'лама состояла из следующих этапов: первоначально участникам сообщалось о решении суда устно. Затем они получали на руки суреты (выписки суда) с кратким пересказом всего процесса и последующего решения. Суреты (их содержание) фиксировались в книге (в сакке) реестров судебных решений (сиджилей). По требованию же вышестоящей инстанции (суд кадиаскера, ханский диван) или по просьбе одного из тяжущихся, с целью подать кассацию или жалобу, за отдельную плату составлялся и'лам как официальное решение суда. Перед выдачей его предварительные записи (суреты и сиджили) тщательно проверялись на предмет соответствия решения шариату, так как в случае нарушения или отступления от него кадий мог быть жестоко наказан крупным денежным штрафом, тюремным заключением, а иногда даже казнью. В любом случае несправедное решение служило поводом для его дисквалификации.

Еще один тип документа, выдаваемый на руки, назывался “маруз”. Термин “маруз” также происходит из арабского языка (معروض) и буквально означает: нечто “желаемое”, “требуемое”, “ожидаемое”; а также “предлагаемое”, “отсылаемое” и т. д. Если говорить о нем, как о типе документа, то он скорее всего соответствует понятию “заявление”. Иногда в отношении и’лама также употреблялся термин маруз, так как он выдавался исключительно по чьему-либо требованию или заявлению. Подобно худжету, маруз не имел юридической силы для представления его в суде, так как не содержал решения предыдущего суда. Как и худжет, маруз – своеобразный вид нотариального извещения, сообщался лишь статус, юридическое состояние одного из участников суда, чаще всего ответчика. В отличие же от худжета, маруз в большинстве случаев извещал о статусе лица после уголовного дела. К уголовным делам, помимо воровства и убийства, относились также оскорбление словом или делом, клевета, лжесвидетельство, супружеская измена, внебрачные любовные связи, публичное распитие спиртных напитков (вне установленных мест), богохульство и прочие виды религиозных или уголовных преступлений. Как правило, статус или вина ответчика определялись марузом тогда, когда после описания процесса и всех прений сообщалось о том, что показания свидетелей были приняты как верные. Также могло быть зарегистрировано и сообщено признание ответчика или его отказ от клятвы. Таким образом, в марузе хоть и не присутствовало непосредственное решение судьи, оно предполагалось, исходя из логики всего содержимого, и могло служить основанием для требования денежного штрафа либо компенсации, назначенных кадием, и возврата утаенного, похищенного или силой отнятого имущества.

Записи, собранные в книги реестров судебных решений, по сути, являются копиями тех документов, которые выдавались на руки заявителю и ответчику, или только заявителю. В Крыму, в отличие от Османской Турции, для всех типов документов, которые выдавал суд шариата, бытовало единое разговорное выражение: “сурет”, что в данном случае означало “выписка” или “копия”. Часто также встречаются упоминания о худжетах. Но о марузах или и’ламах до сих пор упоминаний не встречалось. Здесь мы говорим о них по той причине, что Крымское ханство в

известный период входило в состав Османской империи на правах вассального государства, и все административно-судебное устройство в нем было построено по турецкому образцу. Справедливо ожидать, что и судебное делопроизводство для Крыма было идентичным анатолийскому или румелийскому. Тем более, что это подтверждают сохранившиеся сиджили Крымского Ханства XVII–XVIII вв., большая часть которых принадлежит бахчисарайскому кадылыку.

Если говорить непосредственно о сиджилях, то и их внутренняя структура также довольно подробно описана в научной литературе на примере турецких кадийских сборников. Доступные для изучения сегодня крымские сиджили демонстрируют свою однотипность или похожесть на турецкие образцы. Памятники, имеющиеся на руках исследователей, представляют собой отдельные тома записей различных судебных округов Крымского ханства, в которых находится все то многообразие дел и событий как судебного, так и большей частью нотариального характера, о которых уже говорилось выше. Они составлены в линейной последовательности от более ранних к более поздним.

Так, в первом томе сиджилей, относящемся к бахчисарайскому кадылыку и охватывающем временной отрезок от 1608 по 1612 годы, встречаются документы, связанные с такими видами административно-хозяйственной деятельности: взыскание долга и завуалированного процента по нему, называемого “рибх”⁵ (т. е. доли с торговой выручки, с оборота), назначение представителей (векилей), которые от имени поручителя уполномочены были вести как торговые операции, так и представлять его интересы в суде, акты купли-продажи либо передачи имущества в вакф⁶,

⁵ Рибх (ربح) (ribâh) – торг. доход, процент, заработок. В мусульманском праве было запрещено получение процентов по кредитам или долгу. Такой процент получался в скрытой форме, оформляясь как якобы оговоренная часть дохода с торговых операций.

⁶ Вакф (вакуф) (араб. وقف, множ. араб. أوقاف “аукаф”; тур. “Vakıf”: остановка, приостановление, удержание) – в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Вакфом могли стать такие объекты, как земля, дом, строение, сад, баня, лавки – дуканы, фонтаны и пр. Все, что могло приносить доход. Доход, как правило, шел на содержание духовной общины какого-либо монастыря (теккие, азиз) или служителей

земельные споры, отпуск рабов на волю, заключение договоров с невольниками (китабет), тяжбы невольников, желавших после смерти хозяев получить свободу, регистрации брачных договоров, помолвки и заключения брака. Кроме брачных контрактов, встречаются непосредственно разводы и решения суда о выплате суммы мужем долга по брачному контракту, либо даже такие дела, как выезд супруги в паломничество (хадж) в Мекку и требование к мужу выдать ей на руки ее долю имущества, ибо путешествие долгое и рискованное, к тому же затратное [СКК, Т. 1, С. 8-А, текст № 6].

Из других документов следует выделить записи, относящиеся к разделу наследства. Процесс распределения наследства в судах шариата выполнялся крайне дотошно и щепетильно, а права всех претендентов на свою долю были полностью защищены и обеспечены. Перечень имущества, передаваемого тому или иному наследнику, записывался на отдельном листе с указанием имени и степени родства получателя по отношению к умершему. Также сообщалась стоимость каждого отдельного предмета, животного либо невольника, которые являлись частью распределяемого имущества. Отдельные стоимости суммировались, и в итоге значилась сумма, которую должен был получить наследник в зависимости от того, кем он приходился покойному. Лист с описанным и оцененным имуществом назывался яфта (подробней смотри: [Рустемов, Внутренняя... 2013]).

Кроме записей о слушании дел экономического и бытового характера, в сборниках присутствуют также тексты, связанные с уголовными делами. Из них наиболее частотными являются записи исков по воровству коней или другого скота, а также невольников. Встречаются случаи утаивания наследственных денег, оскорбления [СКК, Т. 1, стр. 78/75, текст № 4], ранения и убийств.

С точки зрения истории шариата, записи об убийствах демонстрируют любопытные факты оправдания подозреваемого

мечети (джами). На управление вакфа назначался специальный управляющий (мутевелли), который также получал свой отдельно оговоренный доход. Следует различать такую разновидность вакфа, как вакф-ы эвлядие – “вакф на детей” или наследственный вакф. В этом случае собственность переходила какому-то одному ребенку или всем детям и не могла более фигурировать в качестве доли наследства между родственниками.

посредством выражения общественного мнения “джеми’ан-касаме” (cemi’an qasame), когда не менее пятидесяти человек, жителей деревни, откуда происходил родом подсудимый, едино- временно выражали свое мнение в пользу его невиновности [СКК, Т. 1, стр. 81/79, текст № 5]. Однако могло произойти и обратное: пятьдесят жителей деревни, где было совершено убийство, могли свидетельствовать о виновности подозреваемого. В случае до- казательства убийства преступнику определяли наказание в виде смертной казни – кысас. “Кысас” был основан на принципе “кровь за кровь”, преступника передавали в руки родственникам убитого, и уже они осуществляли приговор, но могли и пощадить его, если удовлетворялись пеней, которую предлагал им осуж- денный. Простить убийцу и удовлетвориться пеней считалось более предпочтительным в крымском обществе, ибо здесь му- сульмане могли проявить милосердие, являвшееся одновременно одним из важнейших качеств и атрибутов Аллаха, которого чаще всего называют именно “Рахман” и “Рахим” – “Всемиловитей- ший и Милосердный”. После приведения приговора в исполне- ние жители деревни, откуда был родом убийца, должны были выплатить ближайшим родственникам жертвы преступления де- нежную компенсацию – диет. Именно это условие часто и слу- жило причиной того, что эти самые жители, собравшись, шли свидетельствовать в суд о невиновности подозреваемого.

Все перечисленные выше тексты оформлялись почти по оди- наковой схеме. Исключение составляли записи о разделе имуще- ства, где яфта представляла собой текст, напоминающий таблицу. Несколько отличались также сиджили о назначении кого-либо векилем, где отсутствовало обвинение, опрос свидетелей и вы- несение решения. В них не было преамбулы, обычной для иных типов текстов, которые мы назвали “hüküm / хукм” – решение [Рустемов, Крымские сиджили... 2015].

За исключением раздела имущества (кысмет-и меварис), все тексты состоят из четырех частей: 1) преамбула, в которой, по- мимо вводной фразы, присутствуют также имена истца (**мукир**) и ответчика (**мукарун-лех**), которые предстали перед судом ша- риата (Меджлис-и Шер’и) или перед собранием суда (Махфил-и каза), или в которой истец вызывал (ихзар идуб) в упомянутое собрание ответчика, и в его присутствии (“махзарында”, или

“муваджехесинде” – т. е. при нем, будучи лицом к лицу, в присутствии) заявлял о своих претензиях. Сама же вводная фраза в сиджилях была не обязательной, она сохранялась лишь как дань традиции. Ее смысл сводился к следующим формулировкам: “Поводом для начертания сих писъмен и уложения их в строки явилось то, что...”, либо: “Причиной написания сих строк и обращения к книгам законов явилось то, что...”. После “что”, собственно, сразу следовало повествование. Однако в подавляющем большинстве текстов крымских сиджилей вся начальная фраза опускалась, за исключением слов “олдур ки...” – “то, что...”. В полной форме она писалась только в официальных документах, выдаваемых судом на руки.

Далее в сиджилях следует: 2) фабула дела или объяснение сути иска, которую рассказывает или заявляет истец, и которая начиналась, как правило, словами “мушару илейх” – “указанный” – или “ишбу” – “этот самый” – и заканчивалась словами истца “суаль олунсун” – “пусть он будет опрошен” – либо словами “талеп идерим” – “требую это” (то, что ответчик должен возместить или вернуть истцу, и что, по сути, представляет собой предмет иска). Ответчик, в свою очередь, подтверждал или опровергал слова истца.

В случае отказа или отрицания ответчиком вменяемой ему вины или имущественного долга, а также в случае, когда ответчик предлагал свою версию событий, следовала: 3) доказательная часть, в которой истцу предлагалось представить доводы или доказательства, что обычно выражалось фразой “гыбб’эс-суаль инкяр олуб беййне талеп олундукта...” (после вопроса был получен отказ и на требование доказательства...). Здесь могли быть различные варианты для истца. Чаще всего в этом месте следовала фраза о том, что двое свидетелей из числа справедливых “удулиден” дали показания в пользу истца. Этого считалось вполне достаточно для вынесения решения в его пользу.

Согласно шарияту, свидетельства двух мужчин-мусульман считались исчерпывающим доводом в любом судебном процессе. Если же свидетелями были женщины, то по закону, показания одного мужчины стоили показаний двух женщин. Свидетельства христиан или иудеев в расчет не принимались, и к свидетельству они не допускались. Свидетельства же двух мусульман могла

перевесить только общая клятва не менее пятидесяти жителей деревни (джеми'ан касаме) для оправдания убийцы, о чем мы уже говорили выше.

Однако самым верным признаком правоты истца являлось признание самого ответчика. Как, например, в следующем тексте:

1 satır. Oldur ki, Hızır bin Yunus mahfil-i qazaya Qasım nam qazağı ihzar idub muşaru-ileyh Qasım nam qazaq benim qardaşım Bayram Hocayı

2 satır. Azab Hani nam mevzide qatl eylemiş sual olunsun dicek bil-müvacehe mezbur Qasımdan sual olunduqta bit-t-tav ve'r-riza ikrar

3 satır. idub Bayram hocayı ben baltu ile qatl idub kendi esbabı ile örtüb gittim didikte qısas ile hükm olunub qayd olundu.

Cera zalik fi üç Cümadi-el-ahır. Sene Semani Aşere ve Elf.

Şühüdü'l-hal: Dede Efendi ibn-i Abdul-qadir Efendi, Hüseyin Ağa ibn-i Canıbek, Emir Ömer ibn-i Emir Memi, Eş-Mehmed bin Hamze, Bayram Ali bin Canalı ve ğayr-ı hum.

[СКК, Т. 1, С. 13-А (82/80), текст № 5]

Хызыр бин Юнус вызвал в собрание суда казака по имени Касым: означенный казак Касым убил моего младшего брата Байрама Ходжу в местечке Азаб Хани, пусть он будет опрошен. Сразу после слов его был опрошен упомянутый Касым, который отвечал с признанием: “Байрама Ходжу я убил топором и, переодевшись в его одежду, ушел”. По признанию его было принято и записано решение о “кысасе” (смертная казнь, по принципу кровь за кровь). Событие текущего дня: 3-ий день джумади-эль-ахыра, года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Деде Эфенди ибни Абдулькадыр Эфенди, Хусейн Ага ибни Джанибек, Эмир Омерибни Эмир Меми, ЭшМехмед бин Хамзе, Байрам Али бин Джанали и другие.

(Транслитерация и перевод здесь и далее Олега Рустемова)

В случае, если свидетелей не было, ответчику предлагалось принести клятву во имя Аллаха, что он не виновен или не должен, а истец возводит на него напраслину. Ответчик, как правило, поступал богобоязненно и приносил клятву только в тех случаях, когда был уверен в своей правоте. В других случаях он от клятвы отказывался. Тогда наступала очередь истца принести клятву. И

если он клялся именем Аллаха, решение принималось в его пользу. Но если у него были свидетели, то слово предоставлялось им:

1 satır. Oldur ki, Müselli bin Müzaffer mahfil-i qazaya Receb Sufi(ni) ihzar idub müşaru-ileyh Receb Sufiye bir desti⁷ bal satmaya

2 satır. emanet virdüm idi. Halâ destimi qırılmış, taleb iderim dıcek bil-müvacehe Recebden sual olundıqta hata ile qırıldı

3 satır. deyü yemin billâh itdikte necati ile hükm olundu. Cera zalik fi gurreti Cümadi-el-uhra. Sene Semani Aşere ve Elf.

Şühüdü'l-hal: Abdulcebbar Çelebi ibn-i Zahmaq Efendi, Sefer Halife ibn-i Beşir, Mahmud Mehmed ibn-i Yarbıldı, ve Mahmud el-Muhzır, Abduaziz Çelebi, Hüseyin Efendi defterdar, Mutahhar Efendi el-qadi en Ferrahkerman.

[СКК, Т. 1, С. 13-А (82/80), текст № 2]

Муселли бин Музаффер вызвал в собрание суда Реджеба Суфи: означенному Реджебу я передал в эманет для продажи кувшин (desti) меда. Ныне же он мой кувшин разбил, требую его. Сразу после слов его опрошен был Реджеб, который ответил, что разбил его случайно, и поклялся именем Аллаха, что именно так и было. Было принято решение об избавлении (от штрафа). Событие текущего дня: первый день джумади-эль-ухра, года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Абдальджеббар Челеби ибни Захмак Эфенди, Сефер Халифе ибни Бешир, Махмуд Мехмед ибни Ярбулды, Махмуд эль-Мухзыр (судебный пристав), Абдульазиз Челеби, Хусейн Эфенди дефтердар (казначей), Мутаххар Эфенди эль-кадий эн Феррахкерман (судья из Феррахкермана / Ор Капы).

1 satır. Şebriz Ağa mahfil-i qazaya Murad Ağayı ihzar idub mahzarında Murad Ağaya bir nefer atı yigirmi haseneye nisye (*taksit ile yani. O. R.*) bey' eyeledim idi.

2 satır. On hasene vasi oldu on hasene baki qaldı. Taleb iderim dıcek bil-müvacehe Murad Ağadan sual olundıqta “Ben bunıñ atını bir atlas (atlas)

3 satır. ğayrıdan havale eyleyüb almışam,” – didikte, mezbur Şebriz ağadan beyyine taleb olunduqta aciz olmağın Murad Ağaya yemin teklif olunıb

---

⁷ Desti (testi) – широкий кувшин для воды с узким горлом.

4 satır. nükûl etmeyin baki on haseneniñ edasıyla hükm olunub qayd olundu. Cera zalikfi evasiti Cümadi-üla. Sene Semani Aşere ve Elf.

Şühüdü'l-hal: İbrahim Efendi el-qadi, Abdulqadir Efendi en-qaraya Şeyh Müzaffer, Perviz el-Muhzır.

[СКК, Т. 1, С. 12-В (83/81), текст № 10]

Шебриз Ага, вызвав в собрание суда Мурада Агу, в присутствии его (заявил): я продал Мураду Аге одного коня в рассрочку. Десять хасене вернулось, десять осталось. Требую их. После слов его был задан вопрос Мураду Аге, на что он отвечал: "Я коня этого (человека) приобрел за отрез атласа, который передал через другого". Тогда были истребованы доводы и доказательства у Шебриза Аги, в коих он оказался бессилён. После этого предложено было принести клятву Мураду Аге, на что он отказался. Было принято и записано решение об уплате оставшихся десяти хасене. Событие текущего дня: середина джумади-эль-ула, года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Ибрахим Эфенди эль-кади (судья), Абдулькадыр Эфенди из деревни Шейх Музаффер, Певриз эль-Мухзыр (судебный пристав Певриз).

1 satır. Oldur ki, Cangazi bin Esen Hoca Murtaza bin Abdullah mahzarında müşaru-ileyh Murtaza yedinde ciren al qunan dört ayağı ala

2 satır. surasında (baldır) alqa tamğalı ve bir yanında art sanında çingli benim mülk-i serihimdir benden şırqat olunmuşdır, taleb iderim didikte bil-müvacehe Murtazadan sual olunduqta Muzaffer

4 satır. ağadan ariyyettir deyü cevap verüb. Ariyyet idüğüne beyyineneden aciz olub mezbur Cangziden beyyine taleb olunduqta Alim bin

5 satır. Çomaq ve Allahverdi bin Abdullah şehadet-i Şer'iyе itdikerinden sonra fi'l-hal qunan mezbur Cangaziye hükm olunub qayd olundu. Cera zalik

6 satır. Fi evaili Cümadi-el-ula. Sene semani Aşere ve Elf.

Şühüdü'l-hal: Mehmed Çelebi Efendi ibn-i Elhac Hayretdin, İbrahim Efendi el-qadi, Mehmed Çelebi ibn-i Hisam Efendi ve ğayr-ı hum.

[СКК, Т. 1, С. 11-В (84/82), текст № 4]

Джангази бин Эсен Ходжа в присутствии Муртазы бин Абдуллаха (заявил): гнедой конь-трехлетка на руках у указанного Муртазы, помеченный по четырем ногам тамгой кольцом ...

Принадлежит мне, был выкраден. Требую его. Непосредственно опрошенный Муртаза отвечал: Музаффер Ага дал мне на хранение. В том, что было дано на хранение, в доказательствах он оказался неспособным. Тогда были истребованы доводы и доказательства у Джангази, на что, согласно шариату, свидетельствовали Алим бин Чомак и Аллахверди бин Абдуллах. На основании этого зарегистрировано решение о том, что настоящий конь признан имуществом Джангази. Текущее событие: начало джумадие-эль-ула (эввель). Года 1018 (1609).

Присутствующие свидетели: Мехмед Челеби ибни Эльхадж Хайретдин, Ибрахим Эфенди эль-кадий (судья), Мехмед Челеби ибни Хисам Эфенди и другие.

После доказательств, основывавшихся на свидетельских показаниях других мусульман, или на признании ответчика, или же на принесенных участниками процесса клятвах, принималось решение в пользу той либо иной стороны. Принятое решение регистрировалось. В судебных записях обычным был такой оборот “...хукюм олунуб кайд олунды” – (...решение, будучи принятым, зарегистрировано).

Иногда по причине отсутствия свидетелей или завышенных требований истца по вопросу возмещения денег или имущества, наблюдавшие за процессом мусульмане могли предложить участникам процесса – “дава” заключить мировую – “сульх”. Арабское слово “сульх” собственно и означает “мир”. В таком случае истец получал от ответчика уже не долг или иные причитающиеся ему деньги или имущество, в том числе невольников, но компенсацию – “бедель” за мировую. Как правило, она была меньше требований истца, но, в принципе, устраивала обоих.

Последняя (4-ая) часть сиджиля содержит дату (тарих) и имена свидетелей судебного присутствия. В крымских сиджилях дата писалась чаще всего по-арабски. Иногда в ней присутствовали персидские (на языке фарси) выражения, типа мах-и (месяца...). Дату редко обозначали цифрами. Наиболее употребительными были выражения “начало месяца шабана”, “середина реби-уль-эввеля”, “конец рамазана”. Иногда встречается слово “гуретт-и”, означающее первый день всякого месяца. Однако в некоторых сиджилях число месяца обозначалось арабскими цифрами. Если дела рассматривались в один день, то после первого во всех последующих могло быть написано: тарих эль-мезбур

(даты упомянутой). То же самое могло быть написано и относительно свидетелей: шухуд эль-хал – эль мезбурун (присутствующие свидетели – упомянутые).

Помимо непосредственно имен свидетелей, зачастую сообщались их должности, титулы или слова, обозначающие принадлежность к ремеслам, социальному статусу и т. п. Наиболее частотны слова “эль-хадж” (хаджи, паломник, совершивший хадж в Мекку), “эль-гази” (борец за веру, как правило, означало человека из военного сословия или дворянина), “имам” (глава мусульман, настоятель мечети), эш-шейх (наставник, учитель, руководитель или наставник суфийской общины, монастыря), “эль-мюдеррис” (преподаватель в медресе) и т. д.

Описание и анализ структур и стилистических особенностей юридических документов Крымского ханства дает уникальную возможность исследовать реальные, но до сих пор еще неизвестные страницы истории крымскотатарской письменности. Крымские сиджили являются именно тем материалом, который можно рассматривать как яркий и своеобразный этап становления официально-делового языка в русле общей исторической стилистики крымских и анатолийских тюрок. Кроме того, записи крымских судов шариата проливают свет на многие явления в области синтаксиса тюркских языков, истории развития терминологии, титулатуры, единиц измерения веса и пространства.

Вместе с тем, наиболее любопытным объектом наблюдения в крымских судебных записях, на наш взгляд, является тюркская лексика, связанная с предметами быта, утварью, названиями пород животных, характеристиками этих животных и прочими наименованиями, которые позволяют с большей точностью идентифицировать состояние языка, его диалектную базу, послужившую основой для формирования делового письма юридического подстиля крымскотатарского языка XVII–XVIII вв. С этой точки зрения, данный лексический пласт может и должен стать предметом исследования в последующих публикациях, связанных с изучением памятников письменности старого Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

Биярсланов М. Выписи изь кадіаскерсага сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9 – 1613 г. хр. лет.), хранящагося в архіве Таврическаго Губернскаго Правления // **Известия Таврической**

ученой архивной комиссии (ИТУАК). №№ 8, 9, 10. Симферополь, 1889–1891.

Вельяминов-Зернов В. Материалы для изучения Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской АН из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Санкт-Петербург, 1864.

Лашков Ф. Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения // **Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК).** №№ 21, 22, 23, 24, 25. Симферополь, 1894–1897.

Рустемов О. Д. Русско-украинско-крымскотатарский словарь юридических терминов. Симферополь, 2013.

Рустемов О. Д. Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджилий // **Сходознавство**, 2013, № 64.

Рустемов О. Д. Крымские сиджили XVII–XVIII вв.: жанровая структура юридического документа “хукм” // **Вестник СПб Университета им. А. С. Пушкина.** Востоковедение. Африканистика. Серия 13. Выпуск 1. Санкт-Петербург, Март, 2015.

Рустемов О. Д. Языковые параллели русского и крымскотатарского делового письма в юридических документах XVI–XVII вв. // **Восток. Oriens**, 2015, № 4.

Судебные книги Крымского ханства (Копии), хранящиеся в библиотеке им. И. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90.

Akgündüz, Ahmet; Oğuz, Mustafa. Hücet (Худжет) // **İslam Ansiklopedisi**, TDV, 1998.

Интернет-ресурс: <http://www.islamansiklopedisi.info/dia/pdf/c18/c180259.pdf>

Kurat, Akdes N. **Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait yarlık ve bitikler.** İstanbul, 1940.

Yaşa, Fırat. Kırım Hanlığı'nda Köleliğin Sosyal ve Mali Boyutları // **Gaziantep University Journal of Social Sciences** (<http://jss.gantep.edu.tr>), 2014, № 13 (3).

Günay, Ramazan. Şer'îye Sicillerinde Mülk Alışverişleri: Kullanılan Usul ve Dil // **SDÜ Fen Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi.** Aralık, 2012.

Gedikli, Fethi. Osmanlı Hukuk Tarihi Kaynağı Olarak Şer'îyye Sicilleri // **Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi**, C. 3, 2005.

Yavuz, Şevki Yusufoğlu. Hücet // **İslam Ansiklopedisi.** TDV, 1998.
Интернет-ресурс: <http://www.islamansiklopedisi.info/dia/pdf/c18/c180259.pdf>